

Проспер Мери́ме

Венера Илльская

Перевод с французского
Александра Смирнова

ФТМ

Новеллы Проспера Мериме

Проспер Мериме

Венера Ильская

«ФТМ»

1837

Мериме П.

Венера Илльская / П. Мериме — «ФТМ»,
1837 — (Новеллы Проспера Мериме)

ISBN 978-5-4467-2191-7

«Я спускался с последних предгорий Канигу и, хотя солнце уже село, различал на равнине перед собой домики маленького городка Илля, куда я направлялся. – Вы, наверное, знаете, – обратился я к каталонцу, служившему мне со вчерашнего дня проводником, – где живет господин Пейрорад? – Еще бы не знать! – воскликнул он. – Мне его дом известен не хуже моего собственного, и, если бы сейчас не было так темно, я бы его вам показал. Это лучший дом во всем Илле. Да, у господина де Пейрорада есть денежки. А девушка, на которой он женит сына, еще богаче, чем он сам...»

ISBN 978-5-4467-2191-7

© Мериме П., 1837

© ФТМ, 1837

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

10

Проспер Мериме Венера Илльская

*«Да будет милостива и благосклонна статуя, – воскликнул я, –
будучи столь мужественной!»*
Лукиан. Любитель лжи

Я спускался с последних предгорий Канигу и, хотя солнце уже село, различал на равнине перед собой домики маленького городка Илля, куда я направлялся.

– Вы, наверное, знаете, – обратился я к каталонцу, служившему мне со вчерашнего дня проводником, – где живет господин Пейрорад?

– Еще бы не знать! – воскликнул он. – Мне его дом известен не хуже моего собственного, и, если бы сейчас не было так темно, я бы его вам показал. Это лучший дом во всем Илле. Да, у господина де Пейрорада есть денежки. А девушка, на которой он женит сына, еще богаче, чем он сам.

– А скоро будет свадьба? – спросил я.

– Совсем скоро. Пожалуй, уж и скрипачей заказали. Может случиться, сегодня, а не то завтра или послезавтра. Свадьбу будут справлять в Пюигариге. Невеста – дочь тамошнего хозяина. Славный будет праздничек!

Меня направил к г-ну де Пейрораду мой друг г-н де П. По его словам, это был большой знаток древностей и человек необычайно услужливый. Он, конечно, с удовольствием покажет мне все остатки старины на десять миль в окружности. И я рассчитывал на его помощь при осмотре окрестностей Илля, богатых, как мне было известно, античными и средневековыми памятниками. Но эта свадьба, о которой я услышал сейчас впервые, грозила расстроить все мои планы.

«Я окажусь непрошеным гостем», – подумал я. Но меня уже там ожидали. Г-н де П. предупредил о моем приезде, и мне нельзя было не явиться.

– Держу пари, сударь, на сигарету, – сказал мой проводник, когда мы уже спустились на равнину, – что я угадал, ради чего вы идете к господину де Пейрораду.

– Но это не так уж трудно угадать, – ответил я, давая ему сигару. – В такой поздний час, как теперь, после шести миль перехода через Канигу, первая мысль должна быть об ужине.

– Пожалуй. Ну, а завтра?.. Знаете, я готов об заклад побиться, что вы пришли в Илль, чтобы поглядеть на идола. Я догадался об этом, еще когда увидел, что вы рисуете портреты святых в Серабоне.

– Идола! Какого идола?

Это слово возбудило мое любопытство.

– Как! Вам не рассказывали в Перпиньяне, что господин де Пейрорад вырыл из земли идола?

– Вы, верно, хотите сказать – терракотовую статую из глины?

– Как бы не так! Из настоящей меди. Из нее можно бы понаделать немало монет, потому что весом она не уступит церковному колоколу. Нам пришлось-таки покопаться под оливковым деревом, чтобы достать ее.

– Значит, и вы были там, когда ее вырыли?

– Да, сударь. Недели две тому назад господин де Пейрорад велел мне и Жану Колю выкорчевать старое оливковое дерево, замерзшее прошлой зимой, потому что тогда, как вы помните, стояли большие холода. Так вот, начали мы с ним работать, и вдруг, когда Жан Коль, очень рьяно копавший, ударил разок изо всех сил киркой, я услышал: «бимм», – словно стукнули по колоколу. «Что бы это было такое?» – спросил я себя. Мы стали копать все глубже и глубже, и вот показалась черная рука, похожая на руку мертвеца, лезущего из земли. Меня

разобрал страх. Иду я к господину де Пейрораду и говорю: «Хозяин, там, под оливковым деревом, зарыты мерт – вецы. Надо бы сбежать за священником». «Какие такие мертвецы?» – говорит он. Пришел он на это место и, едва завидел руку, закричал: «Антик! Антик!» Можно было подумать, что он сыскал клад. Засуетился, схватил сам кирку в руки и принялся работать не хуже нас с Жаном.

– И что же вы в конце концов нашли?

– Огромную черную женщину, с позволения сказать, совсем почти голую, из чистой меди. Господин де Пейрорад сказал нам, что это идол времен язычества... времен Карла Великого, что ли...

– Понимаю... Это, наверно, бронзовая Мадонна из какого-нибудь разрушенного монастыря.

– Мадонна? Ну уж нет!.. Я бы сразу узнал Мадонну. Говорят вам, это идол; это видно по выражению ее лица. Уж одно то, как она глядит на вас в упор своими большими белыми глазами... словно сверлит взглядом. Невольно опускаешь глаза, когда смотришь на нее.

– Белые глаза? Должно быть, они вставлены в бронзу. Вероятно, какая-нибудь римская статуя.

– Вот-вот, именно римская. Господин де Пейрорад говорит, что римская. Теперь я вижу: вы тоже человек ученый, как и он.

– Хорошо она сохранилась? Нет отбитых частей?

– О, все в порядке! Она выглядит еще лучше и красивее, чем крашенный гипсовый бюст Луи Филиппа, что стоит в мэрии. А все-таки лицо этого идола мне не нравится. У него недоброе выражение... да и сама она злая.

– Злая? Что же плохого она вам сделала?

– Мне-то ничего, а вот вы послушайте, что было. Принялись мы вчетвером тащить ее, и господин де Пейрорад, милейший человек, тоже тянул веревку, хотя силы у него не больше, чем у цыпленка. С большим трудом поставили мы ее на ноги. Я уже взял черепок, чтобы подложить под нее, как вдруг – трах! – она падает всей своей тяжестью навзничь. «Берегись!» – кричу я, но слишком поздно, потому что Жан Коль не успел убрать свою ногу...

– И статуя ушибла его?

– Переломила начисто ему, бедному, ногу, словно щепку! Ну и разозлился же я, черт побери! Я хотел разбить идола своим заступом, да господин Пейрорад удержал меня. Он дал денег Жану Колю, а Жан до сих пор лежит в постели, хотя дело было две недели назад, и доктор говорит, что он никогда уже не будет владеть этой ногой, как здоровой. А жаль, потому что он был у нас лучшим бегуном и, после сына господина де Пейрорада, самым ловким игроком в мяч. Да, господин Альфонс де Пейрорад сильно был огорчен, потому что он любил играть с ним. Приятно было смотреть, как они раз за разом отбивали мячи – паф, паф! – и все с воздуха.

Беседуя таким образом, мы вошли в Илль, и вскоре я предстал перед г-ном де Пейрорадом. Это был маленький, еще очень живой и крепкий старичок, напудренный, с красным носом, с веселым и задорным лицом. Прежде чем вскрыть письмо г-на де П., он усадил меня за уставленный всякими яствами стол, представив меня жене и сыну как выдающегося археолога, долженствую – щего извлечь Русильон из забвения, в котором он пребывал вследствие равнодушия ученых.

Я ел с наслаждением, ибо ничто так не возбуждает аппетита, как свежий горный воздух, и в то же время рассматривал моих хозяев. Я уже говорил о г-не де Пейрораде; добавлю еще, что он был необыкновенно подвижен. Он говорил, ел, вскакивал, бегал в свою библиотеку, приносил мне книги, показывал гравюры, подливал вина, не мог двух минут посидеть спокойно. Жена его, особа немного тучная, как все каталонки, которым за сорок, показала мне истинной провинциалкой, всецело поглощенной хозяйством. Хотя стоявшего на

столе было более чем достаточно, чтобы накормить шестерых человек, она побежала на кухню, велела нарезать несколько голубей, нажарить просяных лепешек, открыла несметное количество банок варенья. В одно мгновение стол оказался весь уставлен блюдами и бутылками, и я, наверное, умер бы от несварения желудка, если бы только отведал всего того, что мне предлагалось. И всякий раз, как я отказывался от какого-нибудь блюда, хозяйка неизменно рассыпалась в извинениях: конечно, в Илле трудно угодить моим вкусам. В провинции нелегко достать что-нибудь хорошее, а парижане так избалованы!

В то время как отец и мать суетились, Альфонс де Пейрорад оставался неподвижным, как Терм. Это был высокий молодой человек, двадцати шести лет, с лицом красивым и правильным, но маловыразительным. Его рост и атлетическое сложение хорошо согласовались со славой неутомимого игрока в мяч, которой он пользовался в тех краях. В этот вечер он был одет элегантно, по картинке последнего номера «Модного журнала». Но мне казалось, что этот костюм стесняет его; в своем бархатном воротничке он сидел, словно проглотив аршин, и поворачивался не иначе, как всем корпусом. Его большие загорелые руки с короткими ногтями плохо подходили к его наряду. Это были руки крестьянина в рукавах денди. Вообще же, хотя он с любопытством рассматривал меня с ног до головы, как приезжего из Парижа, он за весь вечер лишь один раз заговорил со мной, именно чтобы спросить, где я купил цепочку для часов.

– Да, мой дорогой гость, – сказал мне г-н де Пейрорад, когда ужин подходил к концу, – раз уж вы ко мне попали, я вас не выпущу. Вы покинете нас не раньше, чем осмотрите все, что есть достопримечательного в наших горах. Вы должны хорошенько познакомиться с нашим Русильоном и отдать ему должное. Вы и не подозреваете, что мы вам здесь покажем. Памятники финикийские, кельтские, римские, арабские, византийские – все это предстанет пред вами, все без исключения. Я вас поведу всюду и заставлю все осмотреть до последнего кирпича.

Приступ кашля прервал его речь. Я воспользовался этим, чтобы высказать ему, как неприятно мне отнимать у него время в момент, столь важный для его семейных дел. Если бы он согласился дать мне свои ценные наставления касательно экскурсий, которые мне надлежит совершить, я мог бы один, избавив его от труда сопровождать меня...

– А, вы намекаете на женитьбу этого молодца! – вскричал он, прервав меня. – Пустяки! Мы с этим покончим послезавтра. Вы посмотрите свадьбу, которую мы справим запросто, так как невеста носит траур по тетке, оставившей ей наследство. Поэтому не будет ни праздника, ни бала... Конечно, жаль: вы увидели бы, как пляшут наши каталонки... Среди них есть прехорошенькие, и вас разобрала бы, пожалуй, охота последовать примеру моего Альфонса. Говорят, одна свадьба влечет за собой другую... В субботу, когда молодые поженятся, я буду свободен, и мы двинемся в путь. Не посетуйте, если поскучаете на провинциальной свадьбе. Для парижанина, пресыщенного празднествами... свадьба, да еще без танцев!.. А все же вы увидите новобрачную... новобрачную... ну, да вы сами потом скажете ваше мнение... Впрочем, вы человек серьезный и на женщин, наверное, уже не заглядываетесь. У меня найдется получше, что вам показать. Да, вы кое-что увидите!.. Я приготовил вам на завтра славный сюрприз.

– Боже мой! – сказал я. – Трудно хранить в доме сокровище, чтобы о нем не знали все кругом. Я, кажется, догадываюсь о сюрпризе, который вы мне готовите. Если речь идет о вашей статуе, то описание ее, которое я получил от моего проводника, подстрекает мое любопытство и заранее обеспечивает ей мое восхищение.

– А, он уже рассказал вам об идоле – так они называют мою прекрасную Венеру Тур... Впрочем, не буду забегать вперед. Завтра, при ярком дневном свете, вы увидите ее и тогда скажете, прав ли я, считая ее шедевром. Черт побери! Вы явились как раз во – время. На ней есть надписи, которые я, бедный невежда, объясняю по-своему... Но вы, парижский ученый,

может быть, станете смеяться над моим толкованием... Дело в том, что я написал маленькую работу... Да, я, такой, каким вы меня видите... старый провинциальный антикварий, дерзнул на это... Я хочу предать ее тиснению... Если бы вы согласились прочесть и внести свои поправки, я мог бы надеяться... Например, мне было бы очень интересно узнать, как переведете вы надпись на цоколе: *Cave...*¹ Впрочем, пока воздержусь от вопросов. До завтра, до завтра! Сегодня ни слова больше о Венере.

– Правда, Пейрорад, – сказала ему жена, – ты лучше сделаешь, если оставишь своего идола в покое. Разве ты не видишь, что мешаешь нашему гостю кушать? Поверь мне: он видел в Париже статуи покрасивее твоей. В Тюильри есть несколько десятков, и таких же бронзовых.

– О невежество, святое провинциальное невежество! – перебил ее Пейрорад. – Сравнить дивную античную статую с безвкусными фигурками Кусту!

Не дано стряпухе милой
О богах судить бессмертных.

Вообразите только: жена хотела, чтобы я переплавил мою статую на колокол для нашей церкви. И она стала бы его крестной матерью. Так обойтись с шедевром Мирона!

– Шедевр! Шедевр! Хороший шедевр сама она сотворила! Сломать человеку ногу!

– Слушай, жена, – сказал г-н де Пейрорад решительным тоном, вытягивая свою правую ногу в пестром шелковом чулке. – Если бы Венера сломала мне ногу, и то я бы не жалел.

– Боже мой, что ты только говоришь, Пейрорад! Счастье еще, что бедняге лучше... У меня просто духу не хватает смотреть на статую, которая творит такие беды. Несчастный Жан Коль!

– Раненный Венерой дурень жалуется! – с громким смехом воскликнул г-н Пейрорад. – *Veneris nec praemia noris*². Кто не был ранен Венерой?

Альфонс, смысливший во французском языке больше, чем в латыни, хитро сощурил глаза и поглядел на меня, как бы спрашивая: «А вы, парижанин, поняли?»

Ужин кончился. Прошел уже час, как я перестал есть. Чувствуя усталость, я не мог скрыть овладевшую мной зевоту. Г-жа де Пейрорад первая это заметила и сказала, что пора идти спать. Тогда посыпались новые извинения по поводу плохого ночлега, который меня ожидал. Это ведь не то, что в Париже. В провинции все так скверно устроено! Надо быть снисходительным к русильонцам. Сколько ни уверял я, что после такой прогулки по горам охапка соломы будет для меня превосходнейшим ложем, они продолжали умолять меня извинить скромных деревенских жителей, которые не могут принять гостя так хорошо, как бы им хотелось. Наконец в сопровождении г-на де Пейрорада я поднялся в отведенную мне комнату. Лестница, верхние ступеньки которой были из дерева, вела в середину коридора, куда выходило несколько комнат.

– Вот здесь, направо, – сказал мой хозяин, – комната, назначенная мной для будущей супруги моего сына. А ваша находится в противоположном конце коридора. Вы, конечно, понимаете, – добавил он, стараясь придать голосу оттенок лукавства, – новобрачные любят уединение. Вы будете в одном конце дома, они – в другом.

Мы вошли в хорошо обставленную комнату, и первое, что мне бросилось в глаза, была кровать длиною в семь футов и шириною в шесть, притом такая высокая, что без табуретки невозможно было на нее взлезть. Показав мне, где находится звонок, и удостоверившись лично, что сахарница полна и флаконы с одеколоном стоят на своем месте, на туалетном

¹ Берегись... (лат.)

² И ты не познаешь даров Венеры (лат.).

столе, мой хозяин несколько раз спросил, не нуждаюсь ли я еще в чем-нибудь, затем пожелал спокойной ночи и оставил меня одного.

Окна были закрыты. Прежде чем раздеться, я открыл одно из них, чтобы подышать свежим воздухом, таким сладостным после долгого ужина. Прямо передо мной высился Канигу, изумительный во всякий час дня, но в этот вечер, под заливавшими его лунными лучами, показавшийся мне прекраснейшею горою в мире. Я постоял несколько минут, созерцая его чудесный силуэт, и уже собирался закрыть окно, как вдруг, опустив глаза, заметил метрах в сорока от дома стоявшую на пьедестале статую. Она стояла в углу, у живой изгороди, отделявшей садик от большого, совершенно гладкого прямоугольника, который представлял собой, как я впоследствии узнал, город – скую площадку для игры в мяч. Этот кусок земли принадлежал раньше г-ну де Пейрораду, но он передал его по настоятельной просьбе сына городу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.